

Манола Сепульведа Гарса

ПОНЯТИЕ «КАСИКИЗМО» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НЕЛЕГАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ВЛАСТИ*

Manola Sepulveda Garsa

THE NOTION OF CACIQUISMO AND ITS ROLE IN STUDYING ILLEGAL ASPECTS OF POWER

Анализируется понятие «касикизма» как неформального и корыстного посредничества между народными массами и легальной властью в аграрных отношениях в Мексике в постреволюционный период (1940—1960) и указываются сферы его возможного применения в современном обществе.

Ключевые слова: «касикизм», Мексика, народные массы, 1940—1960-е годы.

The article analyzes the notion of Caciquismo as informal and selfish mediation between the masses and legal authorities in agrarian relations in Mexico in post-revolutionary period (1940—1960); possible spheres of its application in modern society are stated.

Keywords: *Caciquismo, Mexico, the masses, 1940—1960ss.*

Термин *касикизм* восходит к иберийскому лингвистическому арсеналу. В эпоху конкисты испанские и португальские колонизаторы отстранили от власти старых индейских правителей и назначали новых лояльных к своему режиму лиц, назвав их *касиками*. В настоящее время в испанском языке этот термин обладает двумя разными значениями:

1) индейские народности продолжают употреблять его для обозначения назначенных или выбранных авторитетов согласно местным традициям и обычаям;

2) среди основной массы мексиканского населения это слово фигурирует для названия лиц, которые злоупотребляют властью, опираясь на поддержку коррумпированных представителей политических или государственных структур.

В Мексике *касикизм*, как форма осуществления политического господства, возник в начале XIX века и достиг своего апогея во время Революции 1910—1917 годов и последующие десятилетия в период проведения аграрной реформы. Его носители представляют собой продукт аномального симбиоза между традиционным обществом и современной политикой; это понятие является составной частью огромного массива клиентельных отношений, свойственных политическим представителям разного типа и уровня.

Именно это значение я и буду иметь в виду в последующем изложении. Но прежде я хочу ска-

зать, что *касикизм* — это феномен, который также представлен и среди индейских национальностей, обладая собственной спецификой, например крестьянские *касики* в зоне, населенной народностью мистеков. И, разумеется, присутствие *касикизма* можно проследить в урбанизированном пространстве: в профсоюзной среде рабочих и учителей, в академических организациях, а в последнее время он пустил глубокие корни в структурах организованной преступности.

Данный феномен отнюдь не является отличительной чертой мексиканского общества; фигура *касика* под разными названиями встречается и в других странах, которым свойственен симбиоз традиционных и современных социальных отношений и политических методов осуществления власти. Я бы даже осмелилась предположить, что *касикизм* — это понятие, которое можно применять по отношению к мафиозным структурам и другим локальным и международным организациям криминального и полукриминального типа, всегда появляющимся тогда, когда возникает определенный вакуум легальных институтов и законно конституированной власти.

В настоящей статье я сосредоточу внимание на конкретных проявлениях *касикизма* в аграрных сообществах и прежде всего в его воплощениях в эхидальных персонажах (эхидо как разновидности советского колхоза в мексиканском варианте), на Национальной Крестьянской Конфедерации — главном проводнике политики Революционно-Институциональной партии в аграрных вопросах, партии, находившейся у власти с 1929 по 2000 г. и победившей на последних выборах в 2012 г.

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ (Мероприятие 1.5, III очередь — гуманитарные науки, лот 3, тема «Диалектика дискурсивного и догматического в поисках национально-культурных смыслов»; соглашение № 14.В37.21.0266).

Крестьянский касикизм

Изучаемый нами тип *касика* — это, как правило, целеустремленная волевая фигура; несмотря на то, что по роду своих занятий этот человек принадлежит к нелегальной части общества, он стремится подчинить интересы и потребности окружающих его людей собственным корыстным интересам. Часто он не занимает никаких официальных должностей, а если и занимает, то использует их для легитимации и укрепления своего неформального авторитета; окружает себя лично и безоговорочно преданными ему лицами, часто спаянными родственными узами; как правило, он чужд излишней жестокости; его власть очерчена строгими пространственными границами и иерархическим рангом. Его отношения простираются как «вверх», так и «вниз» или, что одно и то же, «вовнутрь», а также «вовне» с равными ему по рангу лицами. Его авторитет подвержен циклическим колебаниям, а наследование власти не имеет твердо очерченных правил. Наряду с определенными организаторскими способностями, *касик* наделен определенной смелостью, интуицией, умением пойти на риск, разумеется, игнорируя при этом какие-либо моральные критерии¹.

Начинающий *касик* оказывает свое влияние на подконтрольное ему сообщество путем личных контактов и личного знакомства, часто используя для навязывания власти секретно добываемые сведения. Его внутренняя политика базируется на расколах и разжигании межгрупповых конфликтов, хотя сам он может выступать в качестве лидера определенной фракции. Тактика запугивания и клиентелизм также не чужды утверждению его влияния.

Согласно мнению большинства мексиканских историков, Революция 1910 года и аграрная реформа (1920—1940) способствовали распространению *касикизма*, поскольку возникновение землевладения в эхидальных формах давало определенные выгоды лицам, обладавшим качествами лидера, установившим тесные контакты с правительственными чиновниками и на словах декларировавшим свою приверженность аграрному движению. В социальном смысле *касикизм* означал коренной переворот в истории мексиканской деревни, вел к изменению власти в структуре аграрных отношений, которая была передана из рук класса помещиков Порфирия Диаса новому классу крестьянства, сумевшего использовать плоды аграрной реформы.

Важный показатель революционных преобразований в Мексике двадцатого века — это, несомненно, аграрная реформа, повлекшая за собой разрушение крупной земельной собственности и установление частной собственности, контролируемого размера и общественной собственности в форме «эхидо». Не случайно, что в конституции 1917 года «эхидо» мыслились как составная часть проекта социальной справедливости (возвращении народу земель, отнятых в колониальную эпоху и подлежащих реституции по земельным законам 1856 года); или как демократические продуктивные коллективы, как они назывались в эпоху президента Ласаро Карденаса. Но в 1940—1960 годах политика государства изменилась, резко поправела, и идея «эхидо» была искажена; фактически сельскохозяйственные кооперативы стали звеньями единой цепи эксплуатации сельских

тружеников, а их лидеры — *касики* — трансформировались в инструмент социального и политического контроля².

Характеристики, которые я использовала для определения содержания *касикизма*, в определенной степени могут быть приравнены к неформальному лидерству, хотя последнее понятие является, на мой взгляд, более экстенсивным, тогда как первый термин — это только специфическая форма его выражения. Другой аспект, который я хотела бы акцентировать, заключается в том, что спонтанное лидерство и его последующее перерождение в *касикизм* проявилось как почти инстинктивная реакция на враждебные условия, чреватые беззащитностью при осуществлении аграрной реформы в том регионе, который является предметом моего изучения. Петиционеры (крестьяне или носители других профессий, требовавшие коллективных наделов), сплотившиеся под лозунгами официального аграризма, должны были объединить свои ряды против довольно многочисленных групп антиаграристов. Эти лидеры, на мой взгляд, еще не были *касиками*, ибо их борьба за наделение крестьян землей опиралась на идеалы, провозглашенные революцией, а не только на желание собственного благополучия. О *касикизме* речь можно вести только тогда, когда часть этих лидеров перешла на позиции политики посткарденизма и начала эксплуатировать наемный труд батраков. Возможно, что *касикизм*, как массовый феномен, возник в эпоху карденизма, но его консолидация произошла после Второй Мировой войны в условиях поправки политики мексиканского государства.

Должности председателей Эхидальных Комиссариатов были захвачены или контролировались лицами, которые следовали патриархальным семейным нормам: отец обладал максимальным авторитетом, поддерживаемым сыновьями. Социальные связи, которые устанавливались вне этого круга, среди соседей и другими членами «эхидо», обычно базировались на кумовстве. На основе таких связей возникала группа, и ее лидер мог сломить сопротивление тех крестьян, которые хотели сохранить свою самостоятельность и свою экономическую свободу, подчинить их своей воле и установить контроль за эхидальными ресурсами. Таким путем за короткий срок была соткана связь отношений господства касиков, и независимые крестьяне оказались подчиненными их воле. В середине сороковых годов XX века президент Эхидального Комиссариата мог наделять участками новых членов «эхидо» или отнимать эхидальные участки у старых их владельцев, брать в аренду сельскохозяйственный инвентарь, продавать на рынке не только излишки крестьянского урожая, но и сделать предметом коммерции места общего использования — пастбища, воду для орошения и т. д.³

В нарушении правительственных постановлений в «эхидо» муниципалитета Долорес Идалго не созывались общие собрания его членов (решения которых с юридической точки зрения рассматривались как обязательные к исполнению), ни комитеты защиты аграрных преобразований; все решения и вся власть была сосредоточена в руках председателя, и протесты против нарушения законности, как правило, игнорировались правительственными чиновниками и крестьянскими организациями. *Касик* делил свою

власть с сыновьями и другими лояльными к нему лицами, одновременно расправляясь с неугодными ему членами эхидо. Его авторитет основывался на произволе и угрозах, а нередко и на прямом проявлении насилия против строптивых противников, не подчинявшихся его приказам.

Господство *касика* распространялось на все эхидо или только на отдельную его часть, а на высшем уровне (представители Региональных Крестьянских Комитетов) это господство могло охватывать все существующие эхидо одного или нескольких муниципалитетов. В таких случаях образовывались фракции, и только соглашения и переговоры могли гарантировать существование *касика*. Между шефами фракций часто имел место диалог в питейных заведениях: за бутылкой спиртного решались многие насущные вопросы и вырабатывались различные соглашения, хотя эти договоры не всегда оказывались успешными и заканчивались перестрелками и убийствами.

Примеры

1. Фортунато Моралес был *касиком* селения Асиендита. Возглавил эхидо с момента его учреждения, осуществляя контроль жесткой рукой. Постоянно требовал у правительства новых земельных наделов и даже вторгался на территорию местного крупного землевладельца. Однако в большинстве случаев в своих амбициях он старался не переступать легальных норм: обращался с просьбой к президенту республики о выделении новых участков и о передаче здания бывшего помещичьего поместья для нужд школы, хотя в действительности хотел захватить его для собственных нужд. Здесь стоит отметить два фактора, характерных для *касикизма*: стремление председателя эхидо установить прямую связь с президентом страны, игнорируя все опосредующие уровни, и использование демагогии в качестве стратегии для обеспечения ресурсов. Демагогический дискурс был рассчитан на то, чтобы «произвести впечатление» на рядовых членов эхидо и пеонов: «Смотрите ваш лидер состоит в переписке с самим президентом республики». Другая черта заключалась в использовании своего авторитета как «отца» своих подчиненных, как символ власти и контроля. Патернализм, распространявшийся и на других крестьян, не принадлежащих к «семье», также был весьма типичным приемом отношения *касика*, подражавшего в данном случае помещику, владельцу Асиенды. Тем не менее, Асиендита была мелкой деревней, затерянной в горах, и Фортунато только едва переступил границу дозволенного, нелегально присоединив к своим владениям несколько наделов других членов эхидо⁴.

2. Елеутерио Хуарес, лидер эхидо «Риохас», прошел путь от «кристеро» до аграриста, затем превратился в эхидального *касика* и закончил свою жизнь членом эхидо, владельцем большого дома и собственником 60 гектаров земли. Применение оружия и насилия были постоянной его чертой сначала в качестве «кристеро», а затем аграриста, хотя эти крайние средства он пускал в ход с определенной осторожностью и изворотливостью: тайно выдавал официальным властям подпольные склады оружия «кристерос» и раскрывал планы вооруженной оппозиции в штате Гуанохуато. При назначении председателем эхидо показал своим подопечным свой крутой

характер и расстрелял нескольких собак строптивых владельцев.

Территория эхидо служила средством его безраздельного господства: он предоставлял определенные привилегии своим приближенным, а остальных заставлял платить за использование инвентаря по обработке наделов и за выделения из семенного фонда, грозился отобрать у недовольных обрабатываемые ими эхидальные участки. Он вступил в союз с *касиком* соседнего эхидо «Эль Тахо», скрепив экономические связи узами родства. С региональным лидером Крестьянского комитета его объединяла давняя дружба, основанная на взаимном уважении. Насилие и угрозы он применял только по отношению к нижестоящим лицам или к своим открытым или потенциальным противникам, тогда как по отношению к равным ему или превосходящим его по социальному статусу лицам он старался демонстрировать дружелюбие.

3. Последний пример проявления *касикизма*, который я хотела бы привести, связан с фигурой Пласидо Агиляра Рико — представителя Регионального Крестьянского Комитета Национальной Крестьянской Конфедерации. Пласидо начал свою карьеру как мелкий собственник, владелец 100 гектаров земли и как участник движения «Кристерос». В середине тридцатых годов он стал одним из учредителей эхидо «Эль Тахо», откуда был изгнан за свою связь с замужней женщиной. В 1943 году он начал подпольно продавать алкогольные напитки, сколотив с этой целью небольшую группу сообщников, а затем превратился в земельного арендатора в эхидо Долорес. Он установил дружеские отношения, но не с основателями эхидо, а с правительственными властями; в 1945 году Аграрный Муниципалитет предоставил ему и его людям право быть членами эхидо, а на следующий год банковские служащие помогли ему стать его председателем. Первая его задача заключалась в том, чтобы изгнать пионеров-основателей эхидо, используя накопившиеся недоимки по платежам за кредиты, полученные у банка. Несмотря на протесты и жалобы в адрес президента республики, недоимщики были изгнаны со своих земель.

В 1948 году, опираясь на поддержку правительственной и местной администрации, Пласидо был назначен представителем Регионального Крестьянского Комитета. Прикрываясь аграристской демагогией, он защищал интересы крупных землевладельцев и скрывал фиктивность так называемых *белых эхидо* или «эхидо-привидений». В соответствии с лозунгами движения синаркизма* боролся за превращение эхидальных владений в предмет купли-продажи и за расширение частной земельной собственности. В этом смысле Региональный Крестьянский Комитет, который охватывал эхидальные земли муниципалитета Сан Диего де ла Унион, выполнял функцию посредника между крупными землевладельцами и государством.

Пласидо Агиляр осуществлял контроль над эхидо «Долорес» и имел большое влияние на селение Хесис Мария, принадлежащее эхидо «Эль Льянито», выполняя функцию посредника между программами, подкрепленными инвестициями, которые правительство выделяло на поддержку эхидальных крестьян, и реальным состоянием дел: нанимал батраков, участво-

вал в организации некоторых новых «эхидо», всякий раз стремясь ослабить влияние старых аграристов и выполняя посредническую функцию в отношениях между аграрными пролетариями и их хозяевами. Вместе с тем, действуя в интересах крупных помещиков, он занижал действительные размеры крупных земельных владений, скрывал существовавшие только на бумаге фиктивных «эхидо». В то же время Пласидо старался предотвратить явные злоупотребления против пеонов и, кажется количество облагодетельствованных им лиц превышало число тех, кто хотел бы видеть его мертвым. Как бы там ни было, но и те и другие признавали его своим «аграрным боссом». Можно сказать, что сфера деятельности Пласидо распространилась на конкретную территорию (Долорес Идальго и Сан Диего де ля Унион), где он признавал существующие ранги социальной иерархии, установил дружеские и деловые связи с вышестоящими лицами, с членами Национальной Крестьянской Конфедерации и правительственными органами. Это стало возможным потому, что Пласидо подчинил своему влиянию мелких касиков и сельских тружеников, а также наладил «добрые отношения» с крупными землевладельцами. Человеком он был ловким и изворотливым; использовал доходы от продажи крепких напитков для подкупа нужных ему лиц и больше был склонен прибегать к посредничеству путем алкогольных возлияний, чем к оружию. Не раз улаживал внутренние конфликты между враждующими фракциями и их *касиками* и в этом смысле был образцовым *касиком-посредником*.

Подобно другим эхидальным *касикам* (как правило, силой захвативших посты председателей эхидо) деятельность Пласидо протекала в период аграрной контрреформы. Но, когда государство изменило направление своей аграрной политики в середине 60-х годов двадцатого века, он и ему подобные *старые касики* были оттеснены от власти, что не отменяет их посредническую роль в осуществлении аграрной политики государства в эти годы.

Поколение, пережившее революцию и участвовавшее в строительстве постреволюционной Мексики, изрядно постарело к 1960-м годам, и система *касикизма* пришла в упадок перед насущными требованиями увеличения продуктивности и дискурсом, настаивавшем на модернизации страны... С тех пор прошло уже пятьдесят лет, но старый дискурс *касикизма* (в его вербальной и практической форме) отнюдь не исчез, а переместился в другие сферы

* Национальное объединение синаркистов возникло в 1937 в защиту религиозной свободы, частной собственности и было направлено против всех социалистических элементов, которые, по их мнению, были сторонниками аграрной реформы и системы образования правительства Ласаро Карденаса.

мексиканского общества, в котором урбанизация значительно потеснила аграрное пространство.

Касикизм, как «мягкая власть» или *soft power*, оказался очень живучим и присутствует не только в деревне, но и в городе в различных экзистенциальных измерениях: от экономикт до торговли личным влиянием. Одна из благоприятных «территорий *касикизма*» — это уже упоминавшийся ранее синдикализм, который в течение многих десятилетий находится под властью постоянно переизбираемых иерархов, идет ли речь о касиках, возглавляющих Конфедерацию Трудящихся Мексики, или о лидере мощного профсоюза учителей. Для «нового касикизма», как правило, характерно переплетение легальных форм правления и харизматических личных его манифестаций, так что порой весьма трудно бывает провести четкую разделительную линию между первыми и вторыми.

С другой стороны, сегодня не для кого уже не секрет появление «грязных денег» за спиной какого-либо кандидата на политическую должность (от члена национальной палаты депутатов до муниципального президента). Уже состоялась серия судебных процессов о выдаче судебной Фемиде Соединенных Штатов бывших губернаторов, которые по совместительству состояли в руководстве мощных картелей по торговле наркотиками. За многими щедрыми подаяниями католической церкви также стоит организованная преступность.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что понятие *касикизма* могло бы быть полезным и для обозначения аналогичных феноменов в других странах. Не мне говорить о возможном существовании *касикизма* в российском обществе как своеобразном проявлении более широкого феномена *soft power*, но вы легко можете подвести под рубрику описанного мной феномена свой собственный материал, черпая его содержание из истории и жизни современного российского общества.

Перевод с испанского М. А. Мальшева

Примечания

1. См. Knagh, Alan. La política agraria en Mexico desde la Revolucion // Antonio Escobar y Teresa Rojas (coordinadores). Estructuras y formas agrarias en Mexico del pasado y del presente. — Mexico : RAN-AGA ; Cresas, 2001. — p. 329—350.

2. Подр. см. Bartra Armando. Los herederos de la Sapata. Movimientos campesinos posrevolucionarios en Mexico. — Mexico : Era, 1985. — p. 26—40.

3. См. Sepulveda Garza, Manola. Vaivenes de la historia ejidal, Dolores Hidalgo, Guanajuato: 1900—1970. — Mexico : ENAH-INAH. — p. 318—320.

4. См. Op. cit., p. 312.

Поступила в редакцию 1 июля 2012 г.

ГАРСА Манола Сепульведа, доктор антропологии, профессор, Национальная школа антропологии и истории Мексики. Область научных интересов: антропология, история, дискурсивные исследования, власть и политика. E-mail: mijailmalychev@yahoo.com.mx

GARSA Manola Sepulveda, Doctor of Anthropology, a research professor of National School of Anthropology and History of Mexico. Research interests: anthropology, history, discourse studies, power and politics. E-mail: mijailmalychev@yahoo.com.mx